

ВЛАДИСЛАВ ШВЕД

КТО ВЫ, mr. GORBACHEV?

Главы из книги*

Он ничего не знает, а думает, что знает всё: ему на роду написано быть политиком.

Бернард Шоу

Чем ночь темней, тем ярче звёзды

Известно выражение “Короля делает его свита”. Это ярко проявилось в ситуации с М. Горбачёвым. Не вызывает сомнений, что решающую роль в развале Союза сыграло окружение Генсека ЦК КПСС и президента СССР, одна часть которого активно претворяла в жизнь губительные решения Горбачёва, а другая — молча наблюдала, как предательство разъедает устои и единство страны.

В этой связи постараюсь показать, как кадровое окружение в течение шести с лишним лет создавало Михаилу Сергеевичу условия для его разрушительной деятельности. Самовлюблённые дилетанты вроде Горбачёва, проравшись во власть, заботятся только о своём имидже. Они обставляются не личностями, а удобными людьми, чтобы на их фоне выглядеть “гениями”.

Суть своей кадровой политики Михаил Сергеевич сформулировал ещё в бытность первым секретарём Ставропольского крайкома партии. Как-то в ответ на дружескую критику его кадровых подходов Горбачёв произнёс загадочную фразу: “Чем ночь темней, тем ярче звёзды”. Не вызывает сомнений, что себя на кадровом небосводе он видел звездой первой величины. Поэтому всегда без устали тасовал кадровую колоду, подбирая не просто удобных и услужливых, но “серых” исполнителей.

К моменту избрания Горбачёва Генсеком Егор Кузьмич Лигачёв, тогдашний заведующий Отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, сумел заменить большинство секретарей крайкомов и обкомов партии, поставив “своих проверенных” людей, готовых выполнить любое его указание.

С приходом Михаила Сергеевича кадровые замены приобрели более широкий размах. За три года (1985–1988) состав ЦК КПСС был обновлён на 85%, что намного превышало показатели 1934–1939 годов. Тогда они составили около 77%. В 1988 году Горбачёв начал “омоложение” аппарата ЦК КПСС. На все ключевые посты были поставлены “горбачёвцы”.

Тем не менее, несмотря на бесконечную кадровую чехарду, Горбачёв до сих пор считает, что ЕГО ПЕРЕСТРОЙКУ торпедировал консервативный аппа-

* Продолжение. Начало в №3 за 2016 год.

рат. В мемуарах “Жизнь и реформы” он пишет, что “после XXVII съезда (1986) трижды сменился состав райкомов и горкомов, практически полностью обновилась советские органы. После январского Пленума ЦК 1987 года произошла смена первых секретарей на альтернативных выборах, многие “старожилы” ушли на пенсию. У руля становилась вторая, третья или даже четвёртая “команда”, а дело шло по старинке. Так сильна была закваска. Так прочно вбивались в головы догмы марксизма в упрощённой сталинской интерпретации”.

Трудно представить себе большего непонимания ситуации. Абсолютно ясно, что в 1988–1989 году к руководству большинства парторганизаций в КПСС пришли люди, **весьма далёкие и от марксизма, и от социализма**. В итоге перестройка социализма превратилась в уход от него. По этой же причине в августе 1991 года КПСС тихо скончалась, так как самостоятельно мыслящее политическое ядро в партии отсутствовало.

Кадровые тандемы Горбачёва

Основным кредо кадровой политики Горбачёва являлась расстановка на ключевых постах доверенных и управляемых сторонников, создавая своеобразные кадровые тандемы. Продавливая назначение своих людей, Михаил Сергеевич демонстрировал поистине “стальные зубы”, о которых как-то сказал патриарх Политбюро ЦК КПСС Андрей Андреевич Громыко.

Яркое свидетельство этому – ситуация с назначением министром иностранных дел СССР косноязычного и плохо говорящего по-русски Эдуарда Амвросиевича Шеварднадзе (1 июля 1985). Однако в мемуарах “Жизнь и реформы” Горбачёв без тени смущения утверждает, что “Эдуард Шеварднадзе – личность, несомненно, незаурядная, сформировавшийся политик, образован, эрудирован”.

Главное, что определило создание кадрового тандема Горбачёв–Шеварднадзе, была уверенность Михаила Сергеевича в том, что он и Эдуард Амвросиевич – “два сапога – пара”. Некоторые исследователи утверждают, что Горбачёва и Шеварднадзе ещё со ставропольского периода отличали неформальные отношения, касающиеся не совсем благовидных дел.

В этой связи заслуживает внимания версия, которую излагают в книге “Кремлёвские заговоры” известные “кремлеведы” Владимир Соловьёв и Елена Клепикова. Они утверждают, что Горбачёв и Шеварднадзе сблизились в 70-х годах после конфликта из-за грузинских цеховиков-теневиков, спасавшихся в Ставрополе от гонений Шеварднадзе.

Для Горбачёва как первого секретаря Ставропольского крайкома КПСС грузинские цеховики были важным материальным ресурсом, обеспечивающим дорогие приёмы высоких столичных гостей. Определённые виды на них имел и первый секретарь ЦК КП Грузии Шеварднадзе. Но в Ставрополе его интересы столкнулись с горбачёвскими.

Известно, что бывший министр внутренних дел Грузии Э. Шеварднадзе в 1972 году по протекции всемогущего шефа КГБ Ю. Андропова занял пост первого секретаря ЦК Компартии Грузии. Кумовство, взяточничество, подкуп, “покупка” высоких должностей (включая министерские), теневая промышленность тогда в республике приняли фантастический размах. Грузинские воры в законе составляли треть всех советских воров в законе. Новый первый секретарь должен был покончить с этим.

В первые же дни Шеварднадзе объявил, что “прочистит капиталистический свинарник”, образовавшийся в Грузии, и сроеет Кавказские горы, если они будут мешать расцвету русско-грузинской дружбы. Не менее жёстко он взялся за теневую экономику. Хотя на самом деле, как затем выяснилось, вместо одних теневиков пришли другие, но “свои” для батона Шеварднадзе.

Многим преждем владельцам грузинских подпольных частных ювелирных мастерских, ресторанов и шашлычных, а также цехов по производству фруктовых соков пришлось в срочном порядке перебазироваться в соседний Ставропольский край. Там они успешно продолжали делать свой “бизнес”, помогая первому секретарю крайкома партии “достойно” принимать московских гостей.

“Рука” Шеварднадзе со временем попыталась дотянуться и до них. Но на защиту грузинских “цеховиков” встал Михаил Сергеевич. По утверждению В. Соловьёва и Е. Клепиковой, телефонный звонок Шеварднадзе Горбачёву проблему не решил. Последний стоял на своём. Горбачёва поддержал Андро-

пов, который предложил Шеварднадзе “дружить” с “первым” Ставрополя. Тот согласился и не прогадал.

Видимо, ситуация с “теневиками” позволила Михаилу и Эдуарду создать атмосферу сверхдоверительности в отношениях, хотя каждый из них стоил другого. Шеварднадзе за хитрость получил кличку “Белый лис”, а о двуличности и жадности Горбачёва ходили легенды. Горбачёв видел в Шеварднадзе человека, которому можно доверить выполнение любых его решений. Добавлю, что Шеварднадзе, став в постсоветский период президентом Грузии, превратил её в личную вотчину, в которой его семья “правила бал”. Горбачёв аналогичным образом вёл себя в годы перестройки. Одним словом, “такой нашёл такого”.

О том, какой урон нанёс кадровый тандем Горбачёв – Шеварднадзе Советскому Союзу и, соответственно, России, лучше всего свидетельствует цитата из воспоминаний бывшего президента США Дж. Буша-старшего: “Мы сами не понимали такой политики советского руководства. Мы готовы были дать гарантии, что страны Восточной Европы никогда не вступят в НАТО, и простить многие миллиарды долларов долгов, однако Шеварднадзе даже не торговался и со всем согласился без предварительных условий. То же по границе с Аляской (речь идёт о разграничении морских пространств в Беринговом и Чукотском морях), где мы ни на что не рассчитывали. Это был **дар Божий**”.

Особо следует сказать о кадровом тандеме Горбачёв–Яковлев. Его создал не Горбачёв, а Яковлев в период пребывания Михаила Сергеевича с официальным визитом в Канаде в 1983 году. В предыдущей части я рассказал, что важнейшие идеи гибельной перестройки Михаилу Сергеевичу внушил Александр Николаевич Яковлев. Не случайно его за глаза называли архитектором перестройки. Именно Яковлев сумел убедить Горбачёва, что социализм бесперспективен. Он также подкинул Горбачёву идею о приоритете так называемых общечеловеческих ценностей.

Именно Яковлев сумел обеспечить “нужную” антисоциалистическую тональность гласности и перестройки. 5 июля 1985 года он был назначен заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС, а в марте 1986 года Яковлев стал секретарём ЦК КПСС, курирующим идеологические вопросы.

По инициативе Александра Николаевича в том же году были заменены большинство руководителей центральных журналов и газет. Вместо них были назначены сторонники “десталинизации” страны. Так на базе советских периодических изданий были сформированы “перестроечные” газеты “Московские новости”, “Советская культура”, “Известия”; журналы “Огонёк”, “Знамя”, “Новый мир”...

Ослабление контроля партии за печатью получило название политики «гласности», и оно увенчалось к 1990 году принятием Закона о печати, по которому государственная цензура вообще упразднилась. Ну, а далее открылись “шлюзы”, из которых полились потоки лжи и измышлений о социализме. Это было не мудрено. Ведь главный идеолог КПСС был убеждённым антикоммунистом.

Но не только этим отличился Александр Николаевич. Не меньший ущерб Союзу он нанёс, помогая Михаилу Сергеевичу обставлять себя “нужными людьми”. Известно, что Яковлев был тем, кто настоял на назначении министром обороны СССР Дмитрия Тимофеевича Язова, а Председателем КГБ СССР – Владимира Александровича Крючкова. Яковлев был хорошим психологом и чувствовал, что, при всех положительных характеристиках, исполнительность этих двоих будет всегда преобладать над инициативностью и самостоятельностью. Это впоследствии сыграло для судьбы СССР роковую роль.

О реальном вкладе Яковлева в крушение СССР проговорилась в интервью “Независимой газете” (10.10.1998) бывший советник Р. Рейгана по обороне и внешней разведке Джинн Киркпатрик. Она на вопрос о роли личностей в истории и политике XX века наряду с такими фигурами, как Черчилль, Муссолини, Гитлер, Мао Цзэдун, Трумэн, Сталин, назвала Яковлева. Удивленный журналист спросил: “Почему Яковлев? Встречались ли вы с ним?” Последовал неоднозначный ответ: “Пару раз. Я думаю, что он очень интересный человек и сыграл огромную и важную роль. Я надеюсь, что он знает, что я так считаю”. Комментарий излишни для тех, кто знает биографию А. Яковлева.

Особо следует сказать о тандеме Горбачёв–Рыжков. Председатель Совмина СССР Николай Иванович Рыжков – опытный производственник и не ме-

нее опытный политик. При этом он человек с повышенным чувством порядочности и ответственности, что не позволяло ему должным образом противостоять Горбачёву. О Рыжкове как о политическом лидере заговорили в июле 1989 года, когда на совещании первых секретарей ЦК Компартий союзных республик, крайкомов и обкомов партии в Кремле он заявил: «Партия в опасности!» Поэтому, когда на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР (март 1990) встал вопрос об избрании президента СССР, ряд депутатов обратились к Николаю Ивановичу с просьбой выдвинуть его кандидатуру.

Вот как эту ситуацию описывает председатель Совмина РСФСР Виталий Иванович Воротников: «Ситуация складывалась таким образом, что не сними премьер свою кандидатуру, Горбачёв при нормальном голосовании, несомненно, потерпел бы поражение. Однако, как известно, Николай Иванович так и не нашёл в себе мужества переступить невидимую черту, отделяющую самого высокопоставленного из чиновников от настоящего партийного лидера. Тем самым он подарил Горбачёву пост президента СССР».

Хочу уточнить. На мой взгляд, а я немало общался с Николаем Ивановичем, главную роль в отказе Рыжкова баллотироваться на пост президента сыграло не отсутствие мужества, а та порядочность, о которой я упоминал выше. Рыжков считал непорядочным подставлять ногу коллеге, который выдвинул его. Горбачёв на это и рассчитывал.

Но не только позиция Рыжкова подарила Горбачёву пост президента. Решающую роль здесь сыграл тандем Горбачёв—Лукьянов. Анатолий Иванович Лукьянов, друг Горбачёва по Московскому университету, вел заседание III Съезда народных депутатов СССР. На этом Съезде было принято дополнение в Конституцию СССР об учреждении поста президента СССР, который должен был избираться гражданами СССР путём прямого и тайного голосования. Но уже в тот период было ясно, что шансов у Горбачёва быть всенародно избранным крайне мало.

Лукьянов сумел добиться решения с ничтожным перевесом в 46 голосов о том, чтобы первые выборы президента СССР, в порядке исключения, были проведены не всенародно, а Съездом народных депутатов. Кандидатами были выдвинуты М. Горбачёв, Н. Рыжков и В. Бакатин. Однако последние два кандидата взяли самоотвод. В результате Горбачёв был избран первым президентом СССР. Вот что значит поставить на нужную должность нужного человека. Этого умения у Горбачёва нельзя было отнять. Тем не менее, подобное избрание его президентом СССР позволяет ставить вопрос о легитимности президентства Горбачёва.

Михаил Сергеевич отличался особым умением в подборе личностей, которые не могли составить ему конкуренцию на политическом поле. К числу таких относился Григорий Иванович Янаев, бывший Председатель ВЦСПС, а затем секретарь ЦК КПСС. Он не отличался впечатляющей внешностью и не был оратором. Но именно такой человек был нужен Горбачёву.

Посол США в СССР (1987—1991) Джек Мэтлок так охарактеризовал кадровую политику Горбачёва: «Горбачёв не желал делиться огнями рампы с талантливым коллегой. Он чувствовал себя уютно только рядом с молчаливыми или серыми помощниками, и это одно из обстоятельств, объясняющих горбачёвский подбор персонала вообще, как и его поражение в борьбе с Ельциным».

Именно это определило, что на IV съезде народных депутатов СССР (декабрь 1990) Горбачёв на пару с Лукьяновым сумели добиться избрания Янаева вице-президентом СССР. В итоге Михаил Сергеевич создал крайне нужный для себя кадровый тандем Горбачёв—Янаев. Он полагал, что с таким вице-президентом можно быть спокойным за своё кресло. Однако он просчитался. Но об этом позже.

Помимо вышеперечисленных, Михаил Сергеевич сумел создать важные для него кадровые тандемы: Горбачёв—Разумовский, Горбачёв—Бакатин, Горбачёв—Язов, Горбачёв—Крючков.

Несколько слов о Разумовском. Георгий Петрович в мае 1985 года возглавил Отдел организационно-партийной работы ЦК КПСС, сменив на этом посту Лигачёва. Через год он обрёл статус секретаря ЦК КПСС, курировавшего партийные дела. Регламентация и показушность в работе партийных организаций страны при Разумовском существенно возросла.

Именно он ответственен за сепаратистские настроения, которые появились в Литве в 1988 году. Дело в том, что накануне XIX Всесоюзной парткон-

ференции Горбачёв призывал развивать внутривнутрипартийную демократию и гласность. Но в это же время из орготдела ЦК КПСС, которым руководил Разумовский, ушла на места, в том числе и в Компартию Литвы, жёсткая разрядка, кто должен быть избран делегатом на XIX партконференцию согласно предложенному из Москвы качественному составу. Это вызвало волну возмущения не только в Компартии Литвы, но и в республике.

Протестные настроения коммунистов Литвы во многом способствовали созданию и становлению “Саюдиса” в рядах Компартии Литвы. В начале 1989 года ситуацию в Компартии Литвы обострило полное игнорирование Орготделом ЦК КПСС критических замечаний, высказанных литовскими коммунистами в ходе отчётно-выборной кампании 1988 года. В результате в январе 1989 года пленум Вильнюсского горкома партии был вынужден повторно обратиться к секретарю ЦК КПСС Разумовскому по поводу молчания в ответ на критические замечания коммунистов, направленные в ЦК КПСС. Однако ответа и на этот раз не последовало.

Тогда на повестку дня в литовских СМИ выдвинулась тема самостоятельности Компартии Литвы. В результате этой дискуссии, на которую ЦК КПСС также не отреагировал, XX съезд Компартии Литвы (декабрь 1989) объявил о выходе партии из КПСС. Ну, а 11 марта 1990 года Литва заявила о выходе из СССР.

В этой связи напомним о том, что Горбачёв постоянно твердил о старом партийном бюрократическом аппарате, который якобы, словно “плотина”, стоял на пути перестройки. Ясно, что это было словоблудие, потому что на самом деле такой “плотиной” в КПСС был тандем Горбачёв–Разумовский и их окружение.

Серьёзный урон стране нанесла связка Горбачёв–Бакатин. Вадим Викторович Бакатин, бывший первый секретарь Кемеровского обкома партии, был назначен министром внутренних дел СССР в октябре 1988 года. Казалось бы, перемена для МВД СССР была незначительной. Бывшего первого секретаря Ростовского обкома КПСС Власова на посту министра ВД СССР сменил первый секретарь другого обкома Бакатин. Но это только на первый взгляд.

Бакатина, как правило, связывают с разгромом КГБ СССР. Однако там его роль была невелика. КГБ в августе 1991 года был уже обречен, и Бакатин лишь выполнял указания по его “добиванию”. Единственное, что заслуживает упоминания, это сдача Бакатиным советских секретных электронных закладок в новом здании посольства США в Москве. Но Бакатин сделал это в одностороннем порядке. А это было уже явное предательство государственных интересов СССР.

Значительно больший интерес представляет роль Вадима Викторовича в развале МВД СССР. Предлагая Бакатину пост министра внутренних дел, Горбачёв подчеркнул: “Мне не нужны министры-милиционеры. Мне нужны политики”. Бакатин “блестяще” справился с ролью политика от милиции. За два года работы он нанёс советской милиции непоправимый ущерб.

Министр издал приказ, по которому сотрудники милиции получили право работать по совместительству в других организациях. В итоге это привело не только к коррупции и сращиванию правоохранительных органов с криминальным контингентом, но и к уходу основного профессионального ядра МВД в коммерческие структуры. Это стало началом развала советской правоохранительной системы.

Не менее болезненный удар этой системе нанёс и другой приказ Бакатина – о ликвидации агентурного милицейского аппарата. Полицейские всего мира считали и считают агентуру своими глазами и ушами в криминальном мире. Это известно даже дилетантам. Последствия вышеназванных приказов Бакатина Россия переживает до сих пор. Под занавес своего правления Вадим Викторович нанёс советской правоохранительной системе ещё один смертельный удар. Он подготовил её фактическое расчленение на пятнадцать национальных республиканских ведомств.

Что же касается тандема Горбачёв–Язов, то он позволил Михаилу Сергеевичу беспрепятственно пойти на односторонние и болезненные для обороноспособности Союза уступки в стратегическом военном потенциале. На любые предложения Горбачёва в этом плане Дмитрий Тимофеевич, как верный слуга, лишь брал под козырёк.

Тандем Горбачёв–Крючков оказался не менее важным, чем тандем Горбачёв–Яковлев. Первую проверку Владимир Александрович прошёл в мае

1987 года, будучи начальником Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). Тогда он по указанию Генсека ЦК КПСС обеспечил пролёт над территорией СССР немца Матиаса Руста. Подробнее об этом ниже.

Известно также, что КГБ СССР по указанию Горбачёва и Яковлева в 1988 году организовал на территории СССР народные движения в поддержку перестройки, которые вскоре приобрели националистический и сепаратистский характер. В частности, группу “Саюдис” (в переводе “Движение”) в Литве организовывали сотрудники КГБ. В этих целях для курирования “Саюдиса” в аппарате КГБ Литовской ССР был создан специальный отдел под руководством подполковника Пятраса Вожбутаса (P. Vožbutas) в составе 5-го управления (по борьбе с идеологическими диверсиями).

Сегодня известны факты предательской деятельности КГБ СССР, когда он совместно с ЦК КПСС прикрывал сепаратистов, запрещая республиканским КГБ реагировать на их преступные действия. Так было в Литве и в Грузии.

Также выяснилось, что Комитет госбезопасности принимал активное участие в подготовке кадров, которые должны были обеспечивать в СССР внедрение капиталистической экономики. В телепрограмме “Момент истины”, показанной по 5-му российскому каналу 05 октября 2015 года, прозвучало сенсационное заявление Михаила Полторанина, бывшего министра печати и заместителя Председателя Правительства России при Б. Ельцине.

Полторанин сообщил, что главные реформаторы России Анатолий Чубайс и Егор Гайдар в советский период были направлены в Венскую школу экономики 5-м управлением КГБ СССР, занимавшимся борьбой с идеологическими диверсиями. Они должны были освоить технологии перевода СССР на капиталистические рельсы, а точнее – технологии уничтожения советской державы.

А как расценивать, что КГБ СССР допустил массовое предательство людей, входивших в высшие эшелоны власти СССР? Об этом свидетельствует так называемый “Список Крючкова”, насчитывавший 2200 советских общественно-политических деятелей, являвшихся агентами влияния Запада.

Но главную услугу Горбачёву глава КГБ оказал тем, что не предал гласности факты его предательского поведения на встречах с президентами США Р. Рейганом в Рейкьявике (октябрь 1986) и Дж. Бушем-старшим на Мальте (декабрь 1989). Только в 2001 году Владимир Александрович в интервью корреспонденту “Литературной газеты” Дм. Беловецкому заявил, что Горбачёв на этих встречах обсуждал вопросы изменения политического строя в СССР, пересмотра отношений СССР с западными странами, включения ГДР в состав ФРГ и выхода Советской Прибалтики из Союза (см. “Десять лет, которые потрясли...” М., “Вагриус”, 2002. С. 36). Как известно, Горбачёв не только обсуждал, но и реализовывал достигнутые договорённости.

Всё это было известно главе КГБ СССР ещё в 1989–1990 годах. Достаточно было Крючкову озвучить эту информацию в декабре 1990 года на IV съезде народных депутатов СССР, поддержав тем самым предложение С. Умалатовой об отрешении Горбачёва от должности президента СССР, и мы сегодня жили бы в обновленном СССР. Но...

Кремлёвские встречи

Волею судеб мне пришлось беседовать с некоторыми персонажами, упомянутыми в предыдущей главе. Прежде всего, расскажу о беседе с секретарём ЦК КПСС А. Яковлевым.

В декабре 1989 года, феврале и марте 1990 года на Пленумах ЦК КПСС обсуждались вопросы судьбы литовских коммунистов и Литвы как союзной республики в целом. Мне как второму секретарю ЦК Компартии Литвы/КПСС и депутату Верховного Совета Литвы приходилось выступать на всех этих Пленумах ЦК КПСС, чтобы довести до сведения членов Пленума истинную ситуацию, сложившуюся в республике.

На февральском (1990 года) Пленуме ЦК КПСС я заявил, что А. Яковлев сыграл неблагоприятную роль в развитии ситуации в Прибалтике. Он, будучи в августе 1988 года в Литве на совещании партийного актива республики и активистов “Саюдиса”, заявил, что “в СССР не было социализма, не было и советской власти. Тот в партии, кто не поддерживает горбачёвские перемены, должен уйти”. Тем самым Яковлев как секретарь и член Политбюро ЦК КПСС

дал идейно-теоретическое обоснование отрицанию советской власти. Литовские сепаратисты получили право, ссылаясь на Яковлева, огульно чернить советское прошлое и занимать ключевые позиции в партийном и советском аппаратах, а также в СМИ.

На XXVIII съезде (июль—август 1990) я планировал ещё раз поставить вопрос о “странной” позиции главного идеолога КПСС, секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС А. Яковлева, своими заявлениями внесшего раскол и дезорганизацию в ряды Компартии Литвы. Но не прост был Александр Николаевич. Видимо, в Колумбийском университете американские советологи вооружили его не только методологией и тактикой дезорганизации КПСС и советского государства, но и нейтрализации политических оппонентов.

Не случайно кремлёвский биограф Фёдор Бурлацкий в своей книге “Русские государи” так охарактеризовал Александра Николаевича: “Яковлев — самая сложная из всех политических фигур эпохи перестройки. Выглядит просто-вато, а умудрён, как библейский змей, соблазнивший Еву...” Нейтрализовал он меня простым, но эффективным способом.

В один из первых дней съезда Яковлев подошёл ко мне в обеденный перерыв и сумел добиться, чтобы я лично ему высказал все претензии. Только потом я понял, насколько это был умный тактический ход, рассчитанный на мою политическую наивность. Яковлев выслушал мои замечания в свой адрес и адрес Секретариата ЦК. В основном согласился, но очень аргументировано (так мне тогда показалось, информацией Крючкова о нём я тогда не располагал) объяснил свою позицию и позицию Горбачёва. Я, конечно, поверил.

В итоге мне пришлось в срочном порядке исключить почти половину моего выступления на съезде, так как она касалась Яковлева. Неудобно как-то с трибуны повторно критиковать человека, особенно после “доброго, конструктивного” разговора. Только потом я выяснил, что подобные беседы Александр Николаевич провёл со многими из тех, кто мог бы критиковать его на съезде.

После этого мне стало понятно внимание Горбачёва, которое он уделял мне на Пленумах ЦК КПСС. В перерывах Генсек всегда подходил ко мне и расспрашивал о ситуации в Литве. Тем самым Михаил Сергеевич давал мне возможность высказать ему лично то, что он не хотел бы услышать с трибуны Пленума. Так сказать, выпускал из меня пар. Просто и эффективно.

А теперь расскажу о других моих встречах с “сильными мира сего”. Первой была встреча Г. Разумовским. Она состоялась в декабре 1989 года. Тогда на Пленум ЦК КПСС, обсуждавший решение XX съезда Компартии Литвы о выходе из КПСС, пригласили секретарей Временного ЦК Компартии Литвы/КПСС, в том числе и меня. Я привёз с собой 260-страничный сборник материалов из литовской прессы, который я назвал “Литва 1988—1989 гг.”. Обзорный материал сборника свидетельствовал, что основной целью “Саюдиса” является вывод Литвы из Советского Союза.

Этот материал я готовил в течение двух лет в связи с тем, что в союзной прессе события в Литве преподносились не как сепаратистские, а как демократические. Да и в ЦК КПСС, как мне казалось, недооценивали возможность выхода Литвы из СССР. Ведь тогда я не знал, что 3 декабря 1989 года Горбачёв на Мальте, встречаясь с Дж. Бушем-старшим, согласился на выход Прибалтики, в том числе и Литвы, из СССР.

Я наивно полагал, что материал будет полезен членам Политбюро ЦК КПСС и Генеральному секретарю, и с этой целью направился в кабинет Разумовского. Георгий Петрович встретил меня, внимательно рассматривая свои полированные ногти. Он производил странное впечатление. Человека, сидящего напротив, Разумовский вроде бы слушал, а вроде бы и нет. Особо-го интереса к представленному мною обзору он не проявил. Я уверен, что материал Разумовский передал в архив и больше его никто не увидел.

Но не ко всему Георгий Петрович относился так равнодушно. По утверждению российской журналистки Евгении Альбац, бывший кандидат в члены ПБ ЦК КПСС Разумовский как минимум до 2001 года получал от структур Михаила Ходорковского ежемесячную зарплату. Видимо, было за что.

Встречался я и с министром внутренних дел СССР Вадимом Викторовичем Бакатиным (по его инициативе) в здании МВД на Октябрьской площади. Встреча состоялась вечером 12 марта 1990 года. Прошли сутки после объявления Литвой независимости. Беседовали мы часа два. Бакатина интересо-

вали перспективы развития ситуации в республике. Я высказал мнение, что Центр упустил время и ситуация в Литве практически необратима.

Однако ещё существовала возможность заставить Верховный Совет Литвы действовать в рамках Конституции СССР и придать процессу выхода Литвы из Союза цивилизованный характер, обеспечивая права граждан СССР в республике. Для этого было достаточно правовых мер, предусмотренных советским законодательством, хотя бы в плане уголовного преследования сепаратистов.

Однако Бакатина интересовало только моё отношение к национальной милиции. Он считал, что ничего страшного не произойдёт, если таковая будет создана в Литве. Министр в тот далёкий мартовский вечер 1990 года долго и нудно убеждал меня, что сейчас не 1941 год, когда в Литве вооружённые отряды националистов истребляли иноязычных, и что именно национальная милиция будет гарантом безопасности русскоязычного населения. Он утверждал, что не следует мешать её становлению.

Тогда я не знал, что этот вопрос Бакатин для себя давно решил. И, вероятно, не без согласия Горбачёва. Любую самодеятельность подчинённых Михаил Сергеевич пресекал **“на корню”**. Все его заявления, что многое в Союзе делалось помимо воли Генсека и президента, не более чем **камуфляж с целью уйти от ответственности**.

Наивность и инфантильность (так мне тогда казалось) министра Бакатина меня поразили. С Бакатиным мы расстались каждый при своём мнении, но он успешно реализовал свои планы. Известно, что после объявления Литвой независимости республиканское МВД не только не подчинялось союзному министерству, но и занимало враждебные позиции при разрешении спорных вопросов.

Тем не менее, Бакатин дал личное указание о том, чтобы МВД СССР финансировало МВД независимой Литвы, снабжало его современной техникой и помогло создать в Вильнюсе полицейскую академию, которая, кстати, воспитывала кадры в антисоветском и антирусском духе. Это Бакатин считал **“конструктивным шагом”** в отношениях СССР и независимой Литвы.

Благодаря поддержке Бакатина литовские военизированные формирования, по данным союзного **“Правительственного вестника”** от 18 апреля 1991 года, насчитывали около 20 тысяч человек. Они располагали 78 тысячами единиц огнестрельного оружия. У них было изъято более 10 тысяч единиц оружия и 4 миллиона штук боеприпасов. Такой арсенал не мог быть накоплен, если бы Бакатин как министр МВД СССР должным образом выполнял свои служебные обязанности.

Попутно замечу, что, общаясь с приезжавшими в Литву представителями Центра, я поражался их невежеству в вопросах межнациональных отношений. У большинства московских гостей было убеждение: **если мы уважаем и любим литовцев, то они просто обязаны платить русским той же монетой**.

Особо следует рассказать о моих встречах с Председателем Совета Министров СССР Николаем Ивановичем Рыжковым. Они происходили после объявления Литвой независимости. В отличие от многих в Москве, Рыжков пытался понять глубинные причины конфликта между союзным правительством и Верховным Советом Литвы, провозгласившим независимость. Его поражала наглость В. Ландсбергиса, требовавшего от Совмина Союза продолжать обеспечивать Литву сырьём и материалами на условиях союзной республики.

Рыжков не мог понять, чем она была обусловлена. И он, и я тогда не знали, что Горбачёв в декабре 1989 года на Мальте пообещал Дж. Бушу-старшему отпустить Прибалтику из Союза. Ландсбергис об этом знал и вёл себя соответственно. Я в силу своих знаний и возможностей старался помочь Николаю Ивановичу уяснить специфику Литвы. Он тогда сидел на втором этаже здания Совмина в Кремле, в бывшем кабинете Сталина.

Представьте волнение, с которым я входил в этот кабинет. В годы войны в нём вершилась судьба человечества. Как я понял, Николай Иванович в этом кабинете ничего не менял. Его стол находился в дальнем правом углу. Слева – длинный стол под зелёным сукном для заседаний.

Обычно Николай Иванович беседовал со мной, сидя за длинным столом. Там у него были телефонные аппараты, чтобы, не прерывая встречи, отвечать на звонки. При мне Рыжкову два раза звонил Горбачёв. Меня поразили

их диалог. На многословие Михаила Сергеевича Николай Иванович отвечал однозначно:

- Да, Михаил Сергеевич!
- Хорошо!
- Подумаем!
- Сделаем!

На этом разговор кончился. После второго такого разговора я не выдержал и попытался поговорить с Рыжковым по поводу процессов, происходящих в Союзе, и о том, что в КПСС возлагают большие надежды на Николая Ивановича. Однако он замял этот разговор.

Весной 1990 года, решая вопросы закрепления позиций ЦК Компартии Литвы/КПСС в ЦК КПСС, мне довелось встретиться с рядом членов Политбюро. В этих встречах меня поразило одно. В ответ на многие поставленные мною вопросы, как правило, звучал один ответ: “Мы не против, но главное – как решит Генеральный”.

Что же было основой такого всевластия Генерального секретаря ЦК КПСС, а затем и президента СССР? Тайну приоткрыл В. Болдин в книге “Крушение пьедестала...”. Он описал систему привилегий, которыми пользовались представители высшего эшелона власти в СССР. Речь шла о зарплатах, бесплатном питании и таких же продуктах для дома, приобретении дефицитных импортных товаров, медицинском обслуживании, автотранспорте и транспорте вообще и, конечно, о жилье и дачах.

Это был мощнейший рычаг воздействия Генсека на своё окружение. Человек, пошедший против его воли, мог в одночасье лишиться всех этих благ. А у него семья, которая быстро привыкает к хорошему. Не случайно Ю. Андропов, попав осенью 1983 года в больницу, из которой он уже не вышел, позвонил Н. Рыжкову, тогда секретарю ЦК КПСС, и спросил: “Николай Иванович, если я уйду на пенсию, какое материальное обеспечение вы мне сохраните?” (Зенкович. Самые закрытые люди). Вот так!

В этой связи отмечу, что позиция Рыжкова в отношении Горбачёва не была обусловлена боязнью потерять привилегии Председателя Совмина. Насколько мне известно, Рыжков ими пользовался минимально. Он даже дачу не поменял, став премьером. Мне в 1994 году довелось побывать там. Это было обычное деревянное здание ещё сталинского периода. Обставлена дача была скромно, но со вкусом. Меня поразило обилие книг и радушие жены Николая Ивановича, Людмилы Сергеевны. Это при том, что в горбачёвский период некоторые члены Политбюро сумели “отовариться по полной”.

Не могу не вспомнить встречи с Григорием Ивановичем Янаевым. Он как-то по-особому относился ко мне и, когда я бывал у Николая Ивановича, всегда приглашал к себе. Янаев как вице-президент СССР занимал кабинет в здании Совмина, рядом с кабинетом Рыжкова. В этом кабинете когда-то сидел всеильный нарком НКВД Лаврентий Берия. Меня поразила красота резных дубовых панелей, украшавших стены.

У Григория Ивановича была деликатная проблема: постоянно дрожали руки. Я сразу обратил внимание на то, как он дрожащими руками брал со стола сигареты и закуривал. В кабинете мы были одни, и волноваться у Янаева не было оснований. Так что дрожащие якобы от страха руки вице-президента на пресс-конференции 19 августа 1991 года – миф журналистов. В разговоре Григорий Иванович демонстрировал недюжинный ум политика и здравые оценки происходящего в Союзе. Помимо этого, он был порядочным и добрым человеком, напроць лишённым кремлёвской чиновничьей фанаберии, но, к сожалению, не вице-президентом, что подтвердили события августа 1991 года.

Мне запомнилась одна наша беседа. Она проходила в начале лета 1991 года после известного апрельского (1991) Пленума ЦК КПСС, на котором Горбачёв заявил о своей отставке. Поэтому разговор с Григорием Ивановичем затронул президента СССР. Я спросил, сколько будет продолжаться политика сдачи позиций СССР в Литве? Ответ Янаева был неожиданным. Он сказал, что скоро “это” закончится, и добавил, что ещё в апреле 1991 года планировалось “отодвинуть” Горбачёва, когда тот летал с официальным визитом в Японию, но пришлось отложить. Встав на прощание из-за стола, Григорий Иванович пожал мне руку и сказал, что ждать осталось недолго. Ну, а в августе 1991 года случился так называемый путч.

Политбюро по-горбачёвски

Особо следует сказать о роли Политбюро ЦК КПСС (ПБ) при Горбачёве. Оно было призвано обеспечить коллективное руководство партией и страной, однако превратилось в подручный инструмент для благословения губительных решений нового Генсека.

Решая эту задачу, Михаил Сергеевич уже в апреле 1985 года начал менять соотношение сил в ПБ. Прежде всего, из Политбюро были удалены все оппоненты Горбачёва: Г. Романов, Н. Тихонов, В. Щербицкий, В. Гришин, А. Кунаев, Г. Алиев. На их место первыми пришли те, кто принял активное участие в операции по избранию его Генсеком: Е. Лигачёв, В. Чебриков.

Всего же за время своего властвования Горбачёв сменил три состава ПБ, причём каждый был гораздо слабее предыдущего. В ПБ Горбачёв, по словам Валерия Болдина, сразу же почувствовал себя хозяином, директивы которого должны безропотно приниматься членами Политбюро.

Первым ПБ, на котором новый Генсек апробировал тактику директивной поддержки своих решений, явилось заседание, принявшее 7 мая 1985 года постановление “О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогоноварения”. И хотя принятие постановления было продиктовано самой жизнью, его реализация показала, что все перестроечные начинания Горбачёва соответствовали старой народной мудрости “Заставь дурака Богу молиться, он лоб расшибёт!”

Прежде всего, не был учтён мировой опыт введения “сухого закона” и не просчитаны последствия его введения в СССР. Контроль за исполнением постановления был поручен секретарю ЦК КПСС Егору Кузьмичу Лигачёву и председателю Комитета партийного контроля Михаилу Сергеевичу Соломенцеву. Они в своей обычной манере взялись за дело с неуёмным рвением и, как впоследствии выразился Горбачёв, “довели всё до абсурда”. В итоге огульное внедрение лозунга “Трезвость – норма жизни”, обеспечив некоторые положительные результаты в области сокращения смертности населения и увеличения рождаемости, породило ряд новых проблем. Горбачёв молча наблюдал за всем этим безобразием.

Прежде всего, урон для бюджета СССР от антиалкогольной кампании оказался неожиданно велик. За 1985–1986 годы он, по официальным подсчётам, составил около 50 млрд рублей, что привело к фактическому обрушению бюджета в конце 1986 года. Помимо этого, был нанесён невосполнимый ущерб посадкам элитных сортов винограда, а также производственной базе винодельческой и спиртоводочной промышленности.

Решение “отрезвить” страну, принятое без должной исторической и экономической проработки, без учёта психологии советского потребителя, вызвало недовольство широких слоёв населения. Казалось бы, Генсек должен был, учитывая ход антиалкогольной кампании, незамедлительно принять меры по возвращению доверия людей. Но не тут-то было. 24 декабря 1987 года на Политбюро обсуждалась записка Председателя Совмина РСФСР В. Воронникова “О последствиях антиалкогольной кампании в РСФСР”. Факты в ней приводились убийственные. Но Горбачёв даже не пытался принять меры по исправлению ситуации. Он заявлял: “Решение было правильное. Принципиальную позицию менять не будем”.

Николай Рыжков пытался переубедить Генсека в отношении антиалкогольной кампании, но, как он пишет: “Мои многократные устные обращения к Горбачёву... оставались без внимания. Он соглашался со мной, что надо вносить коррективы, обещал собрать Политбюро, но проходило время – и всё оставалось по-старому. Я чувствовал, что с ним кто-то серьёзно “работал””. Известно, что Горбачёв неоднократно усугублял ситуацию, сложившуюся по тем или иным вопросам перестройки в Союзе. Почему?

Секрет раскрыл другой бывший премьер-министр СССР – Валентин Павлов. Он усмотрел в действиях Горбачёва скрытый умысел. “Удар был рассчитан точно. Мировой опыт попыток ввести “сухой закон” учит, что запреты для прививки трезвости населению бесполезны, но зато исключительно благоприятны для создания мафиозных структур и их обогащения. Результаты кампании в СССР не заставили себя ждать в точном соответствии с мировым опытом. Горбачёв и Яковлев не могли не знать об этом опыте, но решали другую задачу и за её успешное решение готовы были, видимо, заплатить любую цену”.

Не вызывает сомнения, что “отцы перестройки” спешили создать в СССР социальную базу для реставрации капитализма. Этой базой стал теневой мафиозно-криминальный бизнес, который неизбежно возникает при введении в стране “сухого закона”. По разным подсчётам, советское государство в ходе борьбы с алкоголизмом потеряло до 200 миллиардов рублей. Львиную долю этой суммы “теневики” положили себе в карман. А с “теневиками” Михаил Сергеевич дружил ещё со ставропольских времён.

Но Горбачёв не был бы Горбачёвым, если не пытался возложить ответственность за содеянное на других. В мемуарах “Жизнь и реформы” одну главу он назвал “Антиалкогольная кампания: благородный замысел, плачевный итог”. В ней стрелки ответственности за провал антиалкогольной кампании Михаил Сергеевич перевёл на ранее упомянутых Е. Лигачёва и М. Соломенцева.

Особо следует рассказать о заседании ПБ, на котором Горбачёв расправился с советским генералитетом. К 1987 году Горбачёв понял, что его односторонней “миротворческой” политике мешают военные во главе с неуступчивым министром обороны, кандидатом в члены ПБ Маршалом Советского Союза Сергеем Леонидовичем Соколовым. Известно, что министр и его окружение были противниками планов Горбачёва по ликвидации Организации Варшавского Договора, поспешному выводу советских войск из стран Восточной Европы, одностороннему сокращению стратегического военного потенциала СССР и подписанию Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД).

Тогда и была задумана грандиозная акция по обновлению советского генералитета. В качестве примера был использован инцидент, произошедший в мае 1941 года. Тогда германский военно-транспортный самолёт “Юнкерс-52”, проверяя советскую систему ПВО, беспрепятственно пролетел свыше 1200 километров, приземлился на Тушинском аэродроме в Москве. В итоге советское военное командование и, прежде всего, военно-воздушные силы накрыла волна репрессий, и оно было практически всё заменено.

28 мая 1987 года на Васильевском спуске Красной площади приземлился спортивный самолёт, за штурвалом которого сидел немецкий лётчик Матиас Руст. 30 мая в Кремле состоялось заседание ПБ по поводу пролёта Руста, на котором была предпринята тотальная чистка советского генералитета. Вооружённые силы СССР были фактически обезглавлены. Но главное – Горбачёв убрал неугодного министра обороны СССР С. Соколова.

В нашем случае интерес представляет не столько полёт Руста, сколько события, предшествовавшие этому полёту. Генерал-полковник Леонид Ивашов 8 января 2009 года сообщил мне, что в феврале 1987 года министр обороны Сергей Соколов был вызван к Горбачёву с двумя картами противовоздушной обороны северо-западного направления СССР. После встречи Генсек ЦК КПСС попросил оставить ему эти карты.

После истечения разумных сроков хранения Генсеком карт, как рассказывал Л. Ивашов, ответственный в 1987 году за сохранность секретных документов, в том числе и карт, в Генштабе МО СССР пришлось создать специальную комиссию, официально подтвердившую факт передачи сверхсекретных карт М. С. Горбачёву. Акт этой комиссии должен храниться в архиве МО РФ. Второй экземпляр должен был находиться в бывшем архиве ЦК КПСС, а ныне Архиве президента РФ.

Об этом можно было бы не вспоминать, если бы не выяснилось, что Руст летел так, будто ему было досконально известно расположение советских станций радиолокационного слежения на северо-западе СССР. Но на ПБ об этом никто даже не заикнулся.

Странно, что на заседании ПБ по пролету Руста, состоявшемся 30 мая 1987 года, никто также не вспомнил о том, что после скандальной ситуации в сентябре 1983 году с гибелью южнокорейского “Боинга” СССР подписание к Конвенции о международной гражданской авиации, категорически запрещавшее сбивать гражданские самолёты.

На заседании Политбюро все послушно озвучили лишь то, что было нужно Генсеку Горбачёву. Так, член ПБ, Председатель КГБ СССР В. Чебриков на заседании ни словом не обмолвился о том, что перед посадкой Руста на Большом Москворецком мосту по неустановленной причине были срезаны троллейбусные провода, а на Красной площади КГБ установило профессиональные телевизионные камеры!

Никто из членов ПБ также не поинтересовался, почему при полёте Руста к столице на командный пункт Московского округа ПВО вдруг поступило указание о внеплановом отключении АСУ РЛС для проведения профилактических работ.

Не было выяснено, почему самолёт Руста после пересечения границы СССР на 3 часа 20 минут пропал с экранов радиолокаторов и приземлился с достаточно полными баками, чего не могло быть в случае беспосадочного перелёта. Впоследствии утверждалось, что Руст совершал посадку в районе Старой Руссы, где его ожидали сотрудники Первого Главного управления КГБ СССР (внешняя разведка, начальник В. А. Крючков), обеспечившие заправку топливом самолёта.

Генерал-майор Сергей Мельников, дежуривший в день полёта Руста на Центральном командном пункте ПВО, давая интервью тележурналисту Андрею Караулову (“Момент истины”, 15.08.2011), утверждал, что В. Крючков в доверительном разговоре сообщил, что он по указанию Горбачёва обеспечивал операцию полёта Руста.

Через полгода после заседания ПБ по Русту, 8 декабря 1987 года, как говорилось, М. Горбачёв и Р. Рейган в Вашингтоне подписали Договор РСМД, который сегодня считается фактической капитуляцией СССР перед США. Члены Политбюро это восприняли как должное.

Особого рассказа заслуживает заседание ПБ, на котором обсуждалось письмо преподавателя Ленинградского технологического института Нины Андреевой “Не могу поступиться принципами”. Оно было опубликовано 13 марта 1988 года в газете “Советская Россия”. Сегодня, с высоты прошедших лет ясно, что Андреева правильно ставила вопрос о том, что перестройка превращалась в “катастрофу”.

У членов ПБ в ходе обсуждения этой статьи была возможность поставить на место потерявшего чувство реальности Генсека. Ведь первоначально значительная часть членов ПБ была склонна поддержать письмо Андреевой. Но Горбачёв, почувствовав неладное, решил дать бой несогласным с его линией и внёс письмо Андреевой на рассмотрение ПБ.

Обсуждение продолжалось два дня, 24 и 25 марта. Это заседание вновь продемонстрировало конформистскую позицию членов ПБ. В первый день Лигачёв хоть и поддержал письмо, но виновато отметил, что он к нему не имеет никакого отношения. Громыко озвучил что-то невнятное, “ни нашим, ни вашим”. Воронников стал оправдываться за то, что поначалу поддержал статью. А. Яковлев на фоне этого смятения высказался однозначно – письмо Андреевой является “манифестом антиперестройки”.

На следующий день первым выступил Председатель ЦМ СССР Н. Рыжков. Он, видимо, по просьбе Горбачёва, резко осудил письмо. Его поддержали министр иностранных дел Э. Шеварднадзе и секретари ЦК КПСС В. Медведев, Н. Слюньков, Г. Разумовский, а также председатель Госплана Ю. Маслюков. К ним присоединился министр обороны Д. Язов. В защиту письма и позиции Лигачёва выступили только М. Соломенцев, В. Никонов и А. Лукьянов.

Но в итоге ПБ принял единодушное решение: **осудить письмо Андреевой**. Вот так высший партийный орган КПСС дал зелёный свет предательским действиям Горбачёва по дальнейшему навязыванию стране его перестройки. Это при том, что СССР действительно нуждался в Перестройке, но подлинной.

Окончательно члены Политбюро ЦК КПСС капитулировали перед Генсеком ЦК КПСС на заседании, посвящённом итогам поездки Горбачёва в Нью-Йорк и его заявлению в ООН, состоявшемся 27–28 декабря 1988 года. Напомню, что 7 декабря 1988 года на 43-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Горбачёв **без согласования с Политбюро, Министерством обороны и КГБ СССР** заявил, что в “рамках политики нового мышления” СССР пойдёт на одностороннее сокращение стратегических вооружений на 50% и армии – на 500 тысяч человек и 10.000 танков.

Начиная обсуждение на Политбюро своих международных “инициатив”, Горбачёв как бы между прочим упомянул о рекомендациях, подготовленных экспертами американского исследовательского центра “Heritage Foundation” (“Фонд наследия”) для вновь избранного президента США Дж. Буша-старшего, называемых “Мандат на руководство-3”. В этой связи Генсек задал вопрос недавно назначенному Председателем КГБ СССР В. Крючкову о том, сколько

времени, по мнению западных СМИ, продержится нынешнее советское руководство и, прежде всего, он сам?

Крючков ответил уклончиво: “Говорят по-разному”, — хотя был информирован о содержании “Мандата” для Буша. В этой связи следует рассказать об этом документе. Он предписывал Бушу и его Администрации “разработку долгосрочной стратегии относительно деколонизации советских национальных республик”, то есть **стратегию развала СССР**.

Эта стратегия должна была продолжать реализацию целей, поставленных в трёх директивах по национальной безопасности (National Security Decision Directive) — “NSDD-32”, “NSDD-66” и “NSDD-75”, — подписанных Рейганом в марте—мае 1982-го и январе 1983 года соответственно. В них заявлялось, что целями политики США в отношении СССР является “нейтрализация” советского влияния в Восточной Европе, подрыв советской экономики методом атаки на её “стратегическую триаду”, то есть на базовые отрасли советского народного хозяйства и достижение “фундаментальных изменений советской системы”, то есть отказ СССР от социализма.

Но Горбачёв счёл лишним обременять членов ПБ обсуждением американских планов, которые представляли реальную угрозу для СССР. Он предпочёл, чтобы ПБ оценило его “прорывное” заявление в Нью-Йорке. Члены ПБ не возражали и высоко “оценили” вклад Генсека в дело мира.

Секретарь ЦК КПСС В. Медведев заявил, что “выступление Михаила Сергеевича на Генеральной Ассамблее — это крупнейший акт в области внешней политики”. Идеолог А. Яковлев утверждал, что теперь “Буш в основном и главным пойдёт по линии перемен, деваться ему, собственно, некуда”. Он также отметил, что главное достижение Горбачёва — “это исчезновение у американцев образа врага” в отношении СССР. Министр обороны СССР Д. Язов, опережая вопрос Горбачёва, бодро доложил, что “уже разработаны планы вывода войск из ГДР, ЧССР, ВНР и ПНР”. Он также сообщил, что в группе советских войск, дислоцированных на территории стран Варшавского Договора, все с одобрением отнеслись к этому. Язов при этом умолчал, что вывод 6 тысяч танков полностью менял структуру вооружения всей группировки советских войск в Восточной Европе, и СССР лишался своего основного преимущества. Министра также не беспокоило, куда будут выводиться войска из Восточной Европы.

Сегодня известно, что уже в конце 1991 года, то есть на три года раньше срока, из ГДР **была выведена треть советского воинского контингента**, который был выброшен в палаточные городки, наспех развёрнутые в полях. Те, кто пережил это предательство, рассказывали, что если бы собрать слёзы жён и детей офицеров, замерзавших в палатках, то их хватило бы для того, чтобы утопить Горбачёва и Язова. Кстати, никто на Западе не настаивал на мгновенном выводе советских войск. **Этот процесс мог длиться и 20 лет.**

Вероятно, в администрации президента Буша от души порадовались, читая протокол заседания Политбюро от 27—28 декабря 1988 года. Насущные политические вопросы, а точнее — вопросы выживания СССР, членов ПБ интересовали значительно меньше, нежели желание понравиться Генсеку. Буш мог надеяться на беспрепятственную реализацию “Мандата на руководство-3”.

Вот так решались судьбоносные для СССР вопросы на ПБ. В дальнейшем члены ПБ без особых возражений поддержали решения Генсека о сдаче ГДР, о роспуске Варшавского блока, о согласии на вступление объединённой ФРГ в НАТО, о поспешном выводе советских войск из стран Восточной Европы, о развале социалистического содружества и т. д. и т. п.

При такой ситуации Генсек счёл возможным вообще не советоваться с членами ПБ. Известно, что весной 1991 года Политбюро не собиралось три месяца. В 1991 году Горбачёв обладал поистине диктаторскими полномочиями, которыми его наделил IV Съезд народных депутатов СССР в декабре 1990 года и в рамках которых места для Политбюро не предусматривалось. Подробнее об этом рассказу позже.

От латентного агента Запада до антикоммуниста

Возникает вопрос: почему Генсек ЦК КПСС доводил все свои перестроечные начинания до краха и шёл на безоглядную сдачу позиций СССР? Ведь не был же он настолько глуп? Дело в том, что Горбачёв к приходу в ЦК КПСС уже

являлся **латентным** (на подсознательном уровне) **агентом** Запада, точнее западного образа жизни. Напомню страстное желание Горбачёвых устроить так, чтобы в СССР жили, как во Франции, о котором я писал.

После общения Горбачёва с А. Яковлевым и Э. Трюдо в Канаде (1983), с М. Тэтчер в Англии (1984), с Р. Рейганом в Женеве (1985) и Рейкьявике (1986), Михаил Сергеевич стал убеждённым сторонником капиталистического ведения хозяйства. Сам он это скрывал, но духовный наставник Горбачёва А. Яковлев в постсоветский период рассказал об этом.

При этом Александр Николаевич сослался на свою записку Горбачёву, написанную в декабре 1985 года, то есть накануне перестройки (интервью “Независимой газете”, 02.12.2003): “В ней всё было расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада... Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать, и удовлетворился бы ликвидацией наиболее очевидных несуразностей. Не знаю. Но факт, что, в конце концов, нам пришлось выполнить практически всё, что было в той записке”.

Следует признать, что, критикуя советский социализм, Яковлев, как умный враг, во многом был прав. Замечу лишь, что следует иметь в виду и то, что социализм в СССР строился в условиях враждебного окружения. Поэтому он существенно отличался от социализма, о котором писали и мечтали К. Маркс и Ф. Энгельс. Помимо этого, абсолютизация и догматизация основных марксистских постулатов, произошедшая в СССР, привела к извращению их сути. Например, диктатура пролетариата выродилась в диктатуру партийного аппарата, равенство превратилось в уравниловку и т. д.

Поэтому Яковлеву трудно возражать, когда он в том же интервью вспоминал: “В Канаде, например, я по-настоящему узнал, что такое фермерская система. Мне стало ясно, что фермер работает больше и лучше, чем наш колхозник. И живёт тоже лучше. Я с удовольствием изучал, как работает канадская судебная система, и, естественно, сравнивал с нашей. Более всего меня поразила там степень защищённости человека. Я вырос в государстве, где гражданин был априори виновен во всём и перед всеми — перед милиционером, перед домоуправом, перед партийным бюро...”

Единственное, о чём Яковлев предпочёл забыть в своём интервью, это то, что суть капитализма не только во власти капитала и частной собственности, но, прежде всего, в получении прибыли любым путём и любыми средствами. За постсоветские 25 лет россияне убедились в этом на собственном опыте.

Можно привести грубый пример. Известно, что для получения дорогого и прибыльного мраморного мяса, откармливаемых бычков поят пивом и ежедневно делают им массаж. Но, в конечном итоге, бычок всё равно оказывается на бойне. Так и капитализм. Он стремится создать нормальные условия для воспроизводства рабочей силы, так как средства, затраченные на это, возвращаются к нему через товары и услуги.

Однако стоит начать кризису или возникнуть угрозе потерять прибыль, капитализм без колебаний жертвует миллионами людей. Их выбрасывают на улицу. Весной 2009 года в прессе появилось сообщение, что в Калифорнии, одном из самых благополучных штатов Америки, за неуплату кредита ежедневно на улицу из своих домов выгоняли по 500 человек. Многие из них на последние деньги сумели купить себе лишь одноместные палатки. От всего, что было нажито за долгую жизнь, пришлось избавиться, что-то было продано, часть вещей просто раздавалась всем желающим.

Между тем социализм предполагает народовластие и равенство людей в полном смысле этих понятий. Ведь по Марксу и Энгельсу коммунизм — это “ассоциация, в которой свободное развитие каждого является условием свободного развития ВСЕХ”. Другое дело, что в СССР при наличии элементов социально-политического равенства социализм оставлял желать лучшего. И в этом нет ничего удивительного. Ведь не случайно в Библии говорится: “Благими намерениями дорога в ад вымощена”. И так бывало не только с социализмом.

Но вернусь к Горбачёву. Ему для перевода СССР на капиталистические рельсы требовалось доказать неэффективность социалистического способа хозяйствования. Поэтому все горбачёвские попытки “реформирования” социалистической экономики и системы управления были направлены на то, чтобы

потерпеть крах. В результате многие советские люди пришли к выводу: **советская система себя изжила, и от неё надо отказаться**. Этим впоследствии воспользовались Ельцин, Чубайс и Гайдар, внедрив в России бандитский капитализм.

Что же касается односторонних уступок Горбачёва Западу, то это было обусловлено следующим. В ходе активного общения Михаила Сергеевича с лидерами капиталистических держав ему сумели внушить идею-фикс о возможности вхождения **обновлённого, мирного и капитализированного Советского Союза в Общий Европейский дом**. Фактически это стало для Горбачёва своего рода “морковкой”. Известно, что упрямый осёл хорошо бежит за подвешенной к его морде морковкой. Вот за такой “морковкой” и бежал Горбачёв, сдавая позиции СССР.

Обновлённый Союз понимался Горбачёвым как Союз, избавившийся от дотационных и обременительных для союзного бюджета прибалтийских и закавказских республик. Известно свидетельство Георгия Корнеевича Крючкова, первого секретаря Одесского обкома КПУ, которому Генсек ЦК КПСС осенью 1988 года заявил, что Россия, Украина и Белоруссия должны быть вместе, а “без этих прибалтов, закавказцев мы обойдёмся...” Я могу засвидетельствовать, что в аппарате ЦК КПСС сторонников этой идеи было немало.

Горбачёв ожидал, что разоружившийся и капитализированный Советский Союз будет с распростёртыми объятиями принят в Евросоюз. Но не тут-то было. В июле 1991 года, когда СССР отчаянно нуждался в 15 млрд долларов кредита, президент СССР направился в Лондон на встречу с главами стран, входящих в “Большую семерку”. Однако те ограничились лишь дежурными заявлениями о поддержке курса Горбачёва. Запад тогда уже сделал ставку на Ельцина.

Хорошо известно, чем закончился курс президента РФ Б. Ельцина на улагодворение западных “партнёров”. Они лишь высасывали из России ресурсы и финансы, взамен отделяясь малозначащими обещаниями. Напомню знаменитую “атомную сделку” Гора—Черномырдина 1993 года. По ней Россия “продала” Соединённым Штатам Америки 500 тонн оружейного урана за смехотворную цену в 11,9 млрд долл. США. **По нефтяному эквиваленту эти 500 тонн стоили 8 триллионов долларов, то есть в 670 раз дороже**. Такую прибыль получали лишь средневековые торговцы, выменивая у туземцев золотые изделия за грошовые побрякушки и зеркала.

Вся многовековая история взаимоотношений России (царской и советской) с Западом свидетельствует лишь об одном: **Западу доверять и верить на слово нельзя**. Он считается только с сильными партнёрами.

В этой связи следует сделать ещё один вывод. Историю взаимоотношений России и Запада надо изучать и делать правильные выводы. Горбачёвский и ельцинский периоды в этом плане заслуживает особого внимания, так как тогда Россия едва не утратила свою государственность.

“Горбачёва из членов КПСС исключить”

Я уже говорил о роли Политбюро в организации и проведении Горбачёвской перестройки. Но в КПСС был ещё и Центральный Комитет, насчитывавший четыре сотни членов, который в ходе перестройки имел полное право в любой момент заменить правящую партийную верхушку во главе с Генсеком. К сожалению, мне известен лишь один член ЦК, первым посмевшийся на Пленуме ЦК дать заслуженную оценку политике Генсека и Политбюро. Это был посол СССР в Народной Польше Владимир Игнатьевич Бровиков.

Он был одним из когорты партийных работников, выпестованных первым секретарём ЦК Компартии Белоруссии Петром Мироновичем Машеровым. По его рекомендации Бровиков был избран вторым секретарём ЦК КП Белоруссии. В 1983 году он стал Председателем СМ БССР.

Именно Владимир Игнатьевич претворял в жизнь озвученные Машеровым **принципы социалистической инициативы и предприимчивости**. Социально-экономические достижения Белоруссии в этот период были впечатляющим. Но в 1986 году Горбачёв, спеша избавиться от “машеровца” Бровикова, направил его послом в Польшу, оставив, правда, членом ЦК КПСС.

К 1990 году Бровиков хорошо осознал значение движения “Солидарность”, которая командовала антисоветским и русофобским парадом в Польше. Страшным для него оказался вывод, что польская ситуация стала один

в один повторяться в СССР. Поэтому 5 февраля 1990 года Владимир Игнатьевич решил выступить на Пленуме ЦК КПСС, обсуждавшем платформу партии “К гуманному, демократическому социализму”.

В своём выступлении Бровиков поставил вопрос о перестройке, “которая за неполных пять лет ввергла страну в пучину кризиса, подвела к черте, у которой мы лицом к лицу встретились с разгулом анархии, деградацией экономики, grimасой всеобщей разрухи и падением нравов”. При этом Владимир Игнатьевич прямо назвал виновников – это руководители партии и государства и их личные ошибки.

Бровиков в своём выступлении заявил, что большинство принятых в период перестройки законов дали противоположный эффект. В качестве примера он привёл антиалкогольное законодательство, законы о кооперации, о госпредприятии, об индивидуальной трудовой деятельности.

С горечью Владимир Игнатьевич констатировал: “Мы все мечемся и ищем панацею от всех бед, надеясь, что возведённая в абсолюте демократия всё расставит по своим местам в политической сфере, а рынок – в экономике... Но в итоге страну из державы, которой восхищались в мире, превратили в государство с ошибочным прошлым, безрадостным настоящим и неопределённым будущим. И всё это на потеху Западу, который, славословя в наш адрес, умилённо улюлюкает по поводу краха “колосса на глиняных ногах”, гибели коммунизма и мирового социализма”.

В заключение Бровиков предложил убрать из обсуждаемой Платформы “предложения о президенте страны, председателе и заместителях в партии, так как не в этих должностях суть дела”, а в том, как будет действовать партия.

Выступление Бровикова членами Пленума было встречено одобрительно, но и только. Выступивший на следующий день Председатель КГБ СССР В. Крючков о нём даже не обмолвился. Он лишь посетовал на то, что в стране ведётся “целенаправленная дискредитация партии, органов власти, вооружённых сил, правоохранительных органов”. Однако о главном виновнике подобного положения – Горбачёве – Крючков промолчал. Вот так работал тандем Горбачёв–Крючков.

На мартовском 1990 года Пленуме ЦК КПСС Бровиков выступил ещё более резко и аргументированно. Говоря о предложениях Пленума по статьям 6 и 7 Конституции СССР (о роли партии в советском обществе) для внесения на внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР, Владимир Игнатьевич отметил: “Вместо ускорения социально-экономического развития (а именно в этом состояла квинтэссенция XXVII съезда) идёт его замедление. Вместо повышения уровня жизни людей труда наблюдается его снижение. Вместо реформирования системы государственного и хозяйственного управления во многом происходит её деформирование. ... Словом, весь наш реформаторский пар уходит в гудок, в лозунги и бесконечные дебаты в этом зале и в смежных с ним.

В крайне тяжёлом положении оказалась сама партия, и мы это все понимаем. Её носят самыми последними словами... Создаётся впечатление, что наши руководители спешат поставить крест на партии, как ведущей силе общества, а функции ликвидируемого Политбюро передать президенту. Но надо ли так спешить? ... Но где, товарищи, гарантия, что президентская власть спасёт от свалившихся на нашу голову бед?

... Считаю, что за кризис в стране и партии обязаны лично отвечать не только товарищ **Лигачёв**, которого здесь называли, но и товарищи **Горбачёв, Медведев, Слюньков, Яковлев, Лукьянов**. Они, мне кажется, не совсем оправдали оказанное им доверие и не полностью справились с порученными участками работы”.

После выступления в ходе обмена репликами с Горбачёвым стоящий на трибуне Бровиков добавил, что “было бы излишне, если бы члены Политбюро, каждый по своей компетенции, отчитались за те провалы, которые допущены после XXVI съезда”.

Горбачёв крайне болезненно воспринял выступление Владимира Игнатьевича. Но он негодовал бы ещё больше, если бы знал, что концовка того выступления должна была быть следующей: “Во имя спасения Родины предлагаю: **за измену интересам советского народа и предательство партии Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва М. С. из членов КПСС исключить**. Партийной группе КПСС на Съезде народных депутатов СССР

солидарно выступить за освобождение Горбачёва М. С. от должности президента СССР. Политбюро ЦК КПСС в нынешнем его составе распустить”.

Но перед своим выступлением Бровиков прозондировал настроение членов Пленума и понял, что его поддержит максимум треть, а то и меньше. Так впоследствии и произошло на апрельском (1991) Пленуме ЦК КПСС, когда рассматривался вопрос отставки Горбачёва. И свою концовку Владимир Игнатьевич не озвучил.

Но даже в усечённом виде выступление Бровикова было впечатляющим. Оно произвело эффект разорвавшейся бомбы и было одобрено шквалом аплодисментов. Как писал советский классик Максим Горький: “Безумству храбрых поём мы песню...” Но тогда большинство в ЦК КПСС предпочли отсидеться в окопах. К сожалению, тогда промолчал и я. Политически был ещё молод (высокой политикой занимался лишь три года, до этого основной сферой моего внимания была экономика) и не сумел до конца осознать правоту Владимира Игнатьевича.

Горбачёв весьма оперативно решил вопрос с Бровиковым. Его в том же 1990 году отправили на пенсию и вывели из состава ЦК КПСС.

Генсек кровавый

Горбачёва “Генсеком кровавым” первым назвал В. Легостаев, бывший помощник секретаря ЦК КПСС Е. Лигачёва. Он в 2001 году опубликовал в газете “**Завтра**” статью под таким названием. Я продолжу тему Легостаева, так как трагические кровавые события, которые произошли в период правления Горбачёва, наиболее ярко показали предательскую и подстрекательскую суть его политики в национальных регионах и её способствование нарастанию сепаратистских настроений.

Михаил Сергеевич упорно отрицает свою причастность к этим событиям. Однако к настоящему времени выявлено достаточно доказательств, что это не так. Более того, выясняется, что именно его позиция как главы государства и партии во многом обуславливала трагическое развитие ряда ситуаций.

Одними из первых массовые публичные волнения в СССР на национальной почве произошли в декабре 1986 года в Алма-Ате. Тогда по официальным данным погибли три человека, десятки были ранены, а 99 человек были осуждены и приговорены к различным срокам заключения. Эти волнения были вызваны назначением первым секретарём ЦК Компартии Казахстана русского Геннадия Васильевича Колбина вместо отправленного в отставку казаха Динмухамеда Ахмедовича Кунаева. Якобы Колбин приобрёл опыт руководства национальной республикой, проработав несколько лет “вторым” в Грузии.

Эта ситуация ярчайшим образом показала никчёмность кадровой политики Горбачёва. Как можно было навязывать в национальной республике “первого” секретаря русского! Это был дилетантизм, граничащий с провокацией. Да, такие случаи были в сталинский период. Но тогда это было совершенно другое время. А в период перестройки это привело к массовым волнениям.

О том, что национальные отношения для Горбачёва были “терра инкогнита”, писал бывший посол США в СССР Дж. Мэтлок: “Горбачёв казался почти слепым в отношении реальных сил, стоявших за этнической и национальной агитацией... Либо он не знал, либо не хотел знать о проявлениях национальных чувств – русских и нерусских”. А может быть, Михаил Сергеевич и его советчики хорошо знали, как инспирировать националистические волнения? Возможно и то, **что тогда кто-то с помощью Горбачёва пытался создать на территории СССР ситуацию “управляемого хаоса”**.

Сумгаит–1988

Крупные массовые беспорядки на национальной почве с человеческими жертвами произошли 27–29 февраля 1988 года в городе Сумгаит Азербайджанской ССР (25 км от Баку). Фактически это было массовое избиение армян. Поводом для него послужило обращение армянских депутатов Нагорно-Карабахской автономной области к Верховным Советам Азербайджанской и Армянской ССР о выходе из состава Азербайджана и присоединении к Армении, принятое 20 февраля 1988 года.

Обращение породило в Азербайджане слухи о том, что в Нагорном Карабахе армяне массово убивают и изгоняют азербайджанцев. Распространением этих слухов, как потом было установлено, занимались провокаторы. Но Горбачёв в этой взрывоопасной ситуации ограничился лишь дежурным Обращением к народам Азербайджана и Армении, озвученным 26 февраля 1988 года.

В ответ на это обращение в Сумгаите начался митинг азербайджанцев, на котором звучали призывы отомстить армянам. К вечеру 27 февраля выступления переросли в действия. Сотни митингующих, подогретые митинговыми призывами и спиртными напитками, раздаваемыми бесплатно с грузовиков, начали громить квартиры армян и убивать их хозяев, адресами которых они странным образом располагали.

Москва хранила молчание. Более того, вечером 28 февраля, то есть через сутки после начала погрома программа новостей “Время” сообщила, что армянские рабочие в Сумгаите якобы решили сверхурочно поработать, чтобы компенсировать производственные потери за время забастовки на предыдущей неделе.

Только 29 февраля полк внутренних войск МВД СССР и курсанты Бакинского общевойскового училища сумели приостановить вакханалию убийств в Сумгаите. Однако полностью ситуацию в городе удалось взять под контроль лишь после введения туда морских пехотинцев и десантников. О серьёзности ситуации свидетельствует то, что в ходе наведения порядка в Сумгаите ранения получили 270 военнослужащих.

Всего же за три дня беспорядков в Сумгаите было разгромлено свыше двухсот квартир армян, десятки человек были убиты, значительная часть из которых были заживо сожжены после избиений и пыток, сотни ранены (реальные цифры жертв неизвестны до сих пор).

29 февраля 1988 года Политбюро ЦК КПСС признало, что массовые погромы и убийства в Сумгаите осуществлялись по национальному признаку. Но 18 июля того же года на заседании Президиума Верховного Совета СССР Горбачёв предпочёл обойти тему межнациональной розни. Попутно он снял с себя ответственность за сумгаитскую трагедию, заявив, что её не было бы, если бы войска не опоздали на три часа. Одним словом, виновата армия, а не **Горбачёв, который почти двое суток предпочитал не замечать развитие ситуации в Сумгаите.** Вот так!

Соответственно, объединённая следственная группа прокуратуры СССР основными мотивами преступлений в Сумгаите назвала не межнациональную рознь, а “хулиганские побуждения”. Сумгаитские события были представлены советской общественности как некие нарушения общественного порядка. Не вызывает сомнений, что изменение оценки сумгаитской трагедии, первоначально данной на заседании Политбюро, прокуроры могли осуществить только по согласованию с Горбачёвым.

Такой подход следствия исключил возможность выявления подлинных организаторов сумгаитской трагедии. Единого общего судебного процесса по этим событиям не проводилось. Дело было разбито на 80 эпизодов и рассматривалось в судах различных городов Союза. Настоящие виновники кровавых событий так и остались не наказанными.

Это породило у националистов разных мастей уверенность в том, что насилие является эффективным средством решения межнациональных вопросов, что и показало дальнейшее развитие ситуации в Союзе. Ответственность за это лежит на Михаиле Сергеевиче.

Известно, что за погромом в Сумгаите уже в ноябре 1988 года последовали погромы в Кировабаде и Баку. А в январе 1990 года погромы начались в Баку и других частях Азербайджана. Все они проходили по той же схеме, что и в Сумгаите. Это заставляет предположить, что эти акты насилия были организованными, а не спонтанными проявлениями межнациональной розни. Но этот аспект тогда замалчивался.

Тбилиси–1989

Спустя год после Сумгаита критическая ситуация назрела в Грузии. Известно, что история грузинского антисоветского национализма восходит к 25 февраля 1921 года, когда Грузия якобы была “оккупирована большевистскими силами России”. В 1988–1989 годах грузинские сепаратисты активизи-

ровались. В феврале 1989 года ряд из них был арестован. Но **из Москвы пришло указание освободить “борцов за независимость”**. Получив такой карт-бланш, сепаратисты перешли к публичным акциям.

5 апреля 1989 года они организовали митинг у Дома правительства в Тбилиси. Через сутки там митинговало уже свыше 5 тысяч человек. На митинге было принято обращение к президенту и Конгрессу США, к странам НАТО, в котором предлагалось рассмотреть вопрос Грузии в ООН, признать советскую оккупацию Грузии и оказать ей помощь в выходе из СССР. Митингующие сформировали отряды из бывших воинов-“афганцев”, спортсменов и физически крепких мужчин, которые вооружились металлическими прутьями и цепями.

Создалась реальная угроза захвата митингующими Дома правительства и власти в республике. 7 апреля руководство ЦК Компартии Грузии обратилось в ЦК КПСС с просьбой направить в Тбилиси дополнительные силы МВД и Минобороны СССР. Прилетевший поздно вечером 7 апреля из зарубежной поездки Генсек Горбачёв прямо в аэропорту Внуково дал поручение бывшему первому секретарю ЦК КП Грузии, а в то время – министру иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе и секретарю ЦК КПСС Г. Разумовскому немедленно вылететь в Тбилиси.

Между тем ситуация в Тбилиси продолжала накаляться. Вечером 8 апреля к митингующим обратился патриарх Грузии Илия с просьбой: “Братья и сестры, покиньте площадь, не доводите дело до применения силы”. Но будущий президент независимой Грузии Звиад Гамсахурдия вырвал у него из рук микрофон и закричал: “Пусть прольётся кровь!” Толпа в ответ заревела: “Пусть прольётся кровь!”

Вечером 8 апреля командующий войсками Закавказского военного округа Игорь Николаевич Родионов получил письменный приказ от министра обороны Дмитрия Тимофеевича Язова к утру 9 апреля очистить от митингующих проспект Руставели и взять под охрану государственные объекты.

После событий Горбачёв утверждал, что Язов отдал приказ на применение военной силы в Тбилиси по собственной инициативе. Но в 1999 году незадолго до своей смерти бывший глава КГБ СССР, а позднее секретарь ЦК КПСС, курировавший силовые структуры, В. Чебриков раскрыл тайну. В своём последнем интервью корреспонденту Евгению Жирнову Виктор Михайлович рассказал, что он лично “докладывал Горбачёву обстановку и запрашивал санкцию на применение войск в Тбилиси” (“Трибуна”, 27.07.2001). Горбачёв дал “добро”, а потом разыграл святое неведение.

В Тбилиси к вечеру 8 апреля ситуация стала взрывоопасной. Причём руководители митинга постоянно получали секретную информацию о том, какие меры в отношении них планирует предпринять Москва. Узнав, что готовится силовая акция, они заблокировали все подходы и подъезды к проспекту Руставели “КамаЗами”, гружёнными щебнем, со спущенными шинами.

В результате, когда в 4 часа утра 9 апреля 1989 года войска попытались вытеснить митингующих с проспекта Руставели, возникла страшная давка, в которой от механической асфиксии (вывод судебно-медицинской экспертизы) погибли 18 человек, из них 16 женщин. Ситуацию усугубили боевики Гамсахурдии, вооружённые дубинками и арматурой, которые повсеместно устраивали рукопашные схватки с солдатами.

Однако виновными за гибель людей сделали советских десантников, которые сапёрными лопатками якобы рубили женщин и душили народ газами. С этим “диагнозом” в 10 часов утра 9 апреля в Тбилиси появились упомянутые ранее Шеварднадзе и Разумовский. Где они были до той поры почти 1,5 суток, так и осталось тайной.

Первый заместитель председателя КГБ СССР Филипп Денисович Бобков возразил против утверждения Шеварднадзе, сославшись на кинофильм, снятый операторами КГБ на площади у Дома правительства. Кинофильм свидетельствовал, что сапёрными лопатками солдаты лишь защищали головы от летящих из толпы камней и бутылок.

Однако на заседании ВС Союза ССР тема сапёрных лопаток прозвучала, как истина. Советской Армии, КГБ и советской власти был нанесён первый удар. Без сомнения, правда о тбилисских событиях была известна Горбачёву. Как тогда расценивать его молчание на Политбюро и Верховном Совете СССР, когда шельмовали армию и КГБ?

Ясно одно: Горбачёв сознательно шёл на действия, подрывавшие авторитет советской власти, армии и КГБ. А в его окружении не нашлось тех, кто обнародовал бы предательскую позицию главы партии. Ну, а то, что гибель людей в Тбилиси во многом была следствием выжидательной позиции Горбачёва, не вызывает сомнений.

Отмечу лишь, что при рассмотрении на Политбюро ЦК КПСС тбилисских событий (20.04.1989) Горбачёв заявил Крючкову и Язову: “Я на тебя смотрю, Владимир Александрович! (Крючков)... Дмитрий Тимофеевич (Язов)! Запомни навсегда и сегодня же отдай приказ: отныне без решения Политбюро армии в гражданских делах запрещаю участвовать”.

Баку–1990

После сумгаитского погрома отношения между азербайджанцами и армянами стали крайне напряжёнными. К началу 1990 года в Баку осталось всего около 30–40 тысяч армян, в основном, женщины и пенсионеры. В это время на границе между Армянской и Азербайджанской ССР начались бои с применением артиллерии. Масла в огонь подлило заявление представителей Народного фронта Азербайджана, сделанное по бакинскому телевидению 12 января 1990 года о том, что Баку заполнен бездомными азербайджанскими беженцами из Карабаха, а тысячи армян живут в комфортных квартирах.

На следующий день в Баку на площади Ленина Народный фронт Азербайджана собрал многотысячный митинг. На нём звучали лозунги “Слава героям Сумгаита!”, “Да здравствует Баку без армян!” К вечеру часть митингующих начала семидневный антиармянский погром. Как и в Сумгаите, погромщики целенаправленно шли по городу, прекрасно ориентируясь, в каких квартирах проживали армяне.

Действия погромщиков, как и в Сумгаите, отличались изощрённой жестокостью. Однако расквартированные в городе войска МВД СССР и части Советской Армии получили указание из Москвы не вмешиваться в происходящее, ограничиваясь только охраной правительственных объектов.

17 января сторонники Народного фронта Азербайджана начали непрерывный митинг перед зданием ЦК, перекрыв к нему все подходы. Опасаясь силовой акции Центра, активисты Народного фронта начали блокаду военных казарм, находящихся в Баку. К этому времени Народный фронт де-факто контролировал ряд регионов Азербайджана. **Фактически в Азербайджане шло антисоветское восстание.**

19 января 1990 года Указом Президиума ВС СССР в Баку было введено чрезвычайное положение. В ночь с 19 на 20 января Москва дала согласие на ввод в Баку частей СА и КГБ СССР. В ходе уличных боёв военнослужащих с боевиками Народного фронта погибло 134 и было ранено более 700 жителей Баку.

Несколько слов по поводу заявлений о несоразмерности силовых действий советских военнослужащих в Баку. Хорошо рассуждать на эту тему, сидя в кабинете. А теперь представьте себе молодых ребят, по приказу ночью вступающих в незнакомый город, в котором у них пытаются отнять оружие или поджечь бронетранспортёр?! Их реакция вполне предсказуема.

Силовая операция стала трагедией для русских, живших в Азербайджане. Баку в январе 1990 году кипел ненавистью к “русским оккупантам”. На многих домах появились надписи: “Русские – оккупанты!”, “Русские – свиньи!” В течение 1990 года русских стали повально выселять из квартир. Суды на их обращения не реагировали.

А что же наш Генсек? Он вновь остался в стороне, заявив, что войска в Баку вошли по приказу Язова и Крюčkова, как бы забыв при этом, что **Указ о введении чрезвычайного положения в Баку подписывал он сам.**

Тем не менее, после Баку никаких оргвыводов в отношении повторных “самовольщиков” не последовало. Более того, через три месяца, 28 апреля 1990 года президент Горбачёв своим Указом присвоил Язову звание **Маршала Советского Союза!** Абсолютно ясно, что Язов и Крючков в Баку выполняли указания Горбачёва.

Далее кровавое колесо межнационального насилия покатило по Союзу. Но по указанию Горбачёва правда о межнациональных разборках скрывалась. Они не стали предметом серьёзного разговора и на XVIII съезде КПСС, состоявшемся в июне-июле 1990 года. Уголовные дела на эту тему, как правило,

“спускали на тормозах”. В результате националисты уверовали в свою безнаказанность. Это особенно ярко проявилось в Литовской ССР.

Вильнюс–1991

Создав в июне 1988 года с подачи Кремля и КГБ СССР Литовское Движение за перестройку (“Саюдис”), литовские сепаратисты буквально в течение нескольких месяцев подмяли под себя все властные структуры республики. Отчётно-выборную осеннюю кампанию 1988 года в первичных, городских и районных партийных организациях также выиграла представители “Саюдиса”.

После этого Компартия стала инструментом сепаратистов в решении вопросов обретения Литвой независимости. Уже с октября 1988 года на 90% коммунистический Верховный Совет Литовской ССР стал послушно принимать декларации и законы, формировавшие правовое поле для выхода Литвы из СССР.

ЦК КПСС и Горбачёв бесстрастно наблюдали за процессами укрепления позиций сепаратистов в Литве. Налицо явная аналогия с развитием ситуации в Грузии и Азербайджане, что свидетельствует об осознанной тактике Горбачёва и его окружения. Победив в феврале-марте 1989 года на выборах в Верховный Совет Литовской ССР, саюдисты на первом же заседании провозгласили восстановление независимого Литовского государства. Хорошо изучив за годы перестройки соглашательскую тактику Горбачёва, глава Верховного Совета Литвы Витаутас Ландсбергис в отношении с Кремлём занял твердокаменную позицию: “Переговоры только при условии признания независимости Литвы”.

Помимо противостояния с Центром, новые власти сделали ставку на разжигание межнациональной розни в республике, так как это способствовало сплочению литовской нации. К январю 1991 года межнациональная ситуация в многонациональном Вильнюсе стала критической. Тогда в Москве решили взять под контроль Дом печати, материально обеспечивающий деятельность республиканских печатных изданий, а также республиканское радио и телевидение, разжигающие межнациональную рознь.

Планы Москвы так же, как это было в Грузии и Азербайджане, моментально становились известны литовским сепаратистам. И в Литве Центр, а точнее – Горбачёв вновь допустил доведение ситуации до критической. Только в ночь с 12 на 13 января 1991 года, когда стратегические объекты в Вильнюсе были окружены многотысячными толпами митингующих, из Москвы последовал приказ на силовую акцию.

И, что характерно, в Тбилиси уже после событий, с 1,5-суточным опозданием прилетели представители президента СССР Шеварднадзе и Разумовский. В Вильнюс комиссия ВС СССР, возглавляемая заместителем Председателя Верховного Совета СССР Николаем Ивановичем Дементеем, “летела” 20 часов, хотя лёту было 1 час 20 минут. Странное повторение, наводящее на грустные размышления.

Причину странной задержки делегации мне рассказал В. Севрук. Он сообщил, что Н. Дементей перед вылетом в Вильнюс Горбачёв неожиданно задержал в своём кабинете. Уже в московском аэропорту Дементей вдруг убедил членов делегации Олейника и Тер-Петросяна в том, что надо сделать посадку в Минске. Якобы ему было необходимо передать какие-то документы в канцелярию ВС Белоруссии. Ну, а утром, по его словам, делегация через 15 минут будет в Вильнюсе.

Не вызывает сомнений, что Дементей посадил самолёт в Минске по просьбе Горбачёва. Возможно, Михаил Сергеевич даже вручил ему какие-то документы для Белоруссии. Всё это позволяет утверждать, что **Горбачёв был инициатором задержки в Минске делегации Верховного Совета СССР**. Президент СССР плотно контролировал и направлял развитие ситуации в Литве в нужном для него направлении.

Провал силовой акции в Вильнюсе нужен был Горбачёву для нанесения завершающего удара по авторитету КГБ и СА и по сторонникам единого Союза в Литве. В этом случае в КГБ и армии никто не рискнул бы выступить против выхода из СССР республик Прибалтики и Закавказья.

Изначально провальная силовая акция состоялась в Вильнюсе в ночь на 13 января 1991 года. Делегация Совета Федерации СССР, которая могла бы предотвратить эту акцию, прилетела в Вильнюс лишь утром 13 января. К этому времени Ландсбергис и его команда сделали своё кровавое дело, переве-

для стрелки ответственности на КГБ и СА. Но Михаил Сергеевич в очередной раз разыграл неведение.

Для тех, кто яро утверждает, что литовские сепаратисты не могли пойти на жертвы среди литовцев, сообщу следующее. Как известно, у телебашни и зданий Литовского радио и телевидение погибло 14 человек. Но при этом главные организаторы и виновники январских кровавых событий – глава Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис и глава Департамента охраны края А. Буткявичюс – были готовы принести в жертву не десяток, а тысячи жизней для того, чтобы “доказать зверства советских оккупантов”.

Известно, что В. Ландсбергис дал согласие на акцию “Сожжём Верховный Совет, но защитим независимость.” Реализовывал эту акцию А. Буткявичюс. В этих целях здание ВС было подготовлено к грандиозному пожару. Помимо массы горючих жидкостей, налитых в различные ёмкости, в здание из Литовской киностудии было доставлено специальное пиротехническое оборудование, которое должно было усугубить этот апокалипсис.

Впервые о том, что Верховный Совет должен был гореть, Буткявичюс сообщил в 1999 году на суде по делу литовских коммунистов М. Бурокаявичюса, Ю. Ермолавичюса. Но о главных подробностях пожара он проболтался в интервью газете *Lietuvos rytas* (“Утро Литвы”. 13.01.2014). Буткявичюс в этом интервью заявил, что “нам нужна была эта красивая картина: горит демократия Литвы! Только так мы могли убедить иностранных политиков поддержать нас”.

Помимо этого, провокатор Буткявичюс сообщил, что в ночь на 13 января в здании ВС находилось около 3,5 тысячи человек. Последний раз перед январскими событиями я как депутат ВС был там 10 января 1991 года. Уже тогда выходы, а их было всего четыре, были прикрыты мешками с песком, что мешало проходу людей. Туалеты ВС были набиты ёмкостями с бензином. Добавлю, что ряд помещений ВС связан сравнительно узкими переходами. Большинство лестниц позволяли разойтись лишь двоим.

А теперь представьте, что произошло бы во время штурма Верховного Совета. Никто не стал ожидать организованной эвакуации людей. Стрельба, настоящие и бутфорские взрывы, горящие “коктейли Молотова”, дым... Ситуация, которую усугубила бы пиротехника с киностудии. Весь персонал и защитники ВС рванулись бы к выходам и заблокировали их массой тел. В считанные минуты здание ВС превратилось бы в огромную братскую могилу. Счёт жертв пошёл бы на тысячи.

В. Ландсбергис планировал покинуть здание на плечах спортсменов, через секретный подземный туннель. С ним ушло бы только его ближайшее окружение, в том числе и А. Буткявичюс. А тысячи людей так и остались бы в огненном пекле. Мир содрогнулся бы от “зверств безжалостных советских убийц”, которые были бы засняты многочисленными видеокамерами, подготовленными организаторами пожара заранее. К счастью, штурм Верховного Совета так и не случился. Однако о преступных намерениях Ландсбергиса и Буткявичюса в Литве предпочитают умалчивать.

Кстати, при проведении силовой акции в Вильнюсе, в отличие от Тбилиси, КГБ не обеспечил её видеосъёмку. Также не была уточнена реальная ситуация возле объектов, которые следовало взять под охрану.

Литовские сепаратисты в Вильнюсе подготовились отменно. Стрелки, размещённые на крышах домов, окружающих телебашню и на самой телебашне, после появления военной колонны с десантниками открыли огонь по толпе митингующих и военнослужащим. Жертвами наездов танков были представлены люди, погибшие в городских автокатастрофах, или участники постановочных наездов танков, которые обеспечивали специальные бригады боевиков Буткявичюса.

В итоге военнослужащие Советской армии и спецгруппы КГБ СССР “А” уже рано утром 13 января 1991 года были обвинены в гибели 14 и ранении 48 жителей республики. Вскоре стало ясно, что вильнюсская трагедия нанесла сокрушительный удар по авторитету Советской армии и КГБ. Серьёзно был поколеблен и авторитет Горбачёва.

Не виноватый он?

Литовское “правосудие” 25 лет вело “расследование”, а точнее – формировало “нужные” доказательства вины военнослужащих СА и КГБ СССР в январских событиях в Вильнюсе. В 2010 году события у вильнюсской телебаш-

ни литовская Фемида переквалифицировала в военные преступления, не имеющие срока давности.

В настоящее время в Литве с 27 января 2016 года идёт заочный судебный процесс по делу о трагических событиях у вильнюсской телебашни в январе 1991 года. Обвиняемыми по этому делу числятся 60 граждан России, якобы совершившие военные преступления на территории Литвы. Всем им грозит пожизненное заключение, что подтверждает абсурдное обвинение против российского полковника Ю. Меля. Его “военное преступление”, по мнению литовских прокуроров, состоит в том, что он, будучи 22-летним лейтенантом и командиром танка, произвёл три холостых выстрела из танковой пушки в воздух у вильнюсской телебашни.

Заочный процесс в Вильнюсе должен стать “Нюрнбергом-2” в деле признания СССР “агрессором, совершившим в январе 1991 года нападение на независимую Литву”. Расплачиваться за это преступление, в том числе и финансово, предстоит России как правопреемнику СССР.

Особо отмечу, что основные данные об участниках силовой акции и их действиях в Вильнюсе в январе 1991 года Генпрокуратура Литвы почерпнула из 37 томов уголовного дела № 18/5918-91 о событиях, имевших место в Вильнюсе, следствие по которому провела Прокуратура СССР. 26 сентября 1991 года все 37 томов (оригиналы!) **Прокуратура СССР передала Генпрокуратуре Литвы**. Без сомнения, Генпрокурор СССР Трубин мог осуществить такое только по указанию президента СССР. Оценку степени подлости и предательства Горбачёва в этой ситуации я затрудняюсь дать.

Отмечу, что бывший президент СССР М. Горбачёв, давший указание о проведении силовой операции в Литве, в числе обвиняемых не числится. Видимо, это плата за его содействие выходу Литвы из СССР и за передачу вышеназванных 37 томов уголовного дела о вильнюсских событиях.

Произвольно трактуя переданные Генпрокуратурой СССР материалы, литовские прокуроры сформулировали версию, согласно которой возвратить Литву в состав СССР **самовольно решила группа**, якобы организованная бывшим министром обороны СССР Д. Язовым в составе В. Крючкова, Б. Пуго и О. Шенина. И это в тоталитарном, как считают в Литве, Союзе ССР?

Между тем, имеется достаточно свидетельств, подтверждающих, что Горбачёв не только знал о силовой операции в Вильнюсе, но и контролировал её ход. Первым публично об этом заявил бывший заместитель министра обороны СССР, ныне покойный Владислав Алексеевич Ачалов, руководившей силовой операцией в Вильнюсе.

Об указаниях Горбачёва применить силу в Литве для наведения конституционного порядка писал в своей книге “Личное дело” бывший председатель КГБ СССР В. Крючков (т. 2. С. 30–31). В феврале 2012 года в интервью “Комсомольской правде” это же подтвердил бывший министр обороны СССР Д. Язов.

Дмитрий Тимофеевич, в течение 21 года не упоминавший Горбачёва, даже в ситуации, когда тот его и Крючкова назвал “сволотой”, сообщил корреспондентам “КП” Г. Сапожниковой и В. Баранцу: “Без Горбачёва никто ничего сделать не мог. И насчёт Тбилиси он лично мне ставил задачу, и насчёт Баку, и насчёт Вильнюса. Мы ничего без ведома Верховного главнокомандующего делать не могли” (“КП”, 23.02.2012).

Заявление о том, что штаб силовой операции в Вильнюсе в ночь с 12 на 13 января 1991 года регулярно докладывал в Москву о ситуации и получал оттуда указания, сделал в интервью корреспонденту газеты “Комсомольская правда” (“КП”, 13.01.2012) полковник КГБ СССР Михаил Васильевич Головатов, руководивший бойцами “Альфы” в Вильнюсе. Это же подтвердил и Язов в вышеуказанном интервью.

Заслуживает внимания свидетельство бывшего главы ВС Литвы Витаутаса Ландсбергиса. В 2011 году он, поддерживая требование бывшего советского диссидента Владимира Буковского о привлечении Горбачёва к уголовной ответственности за гибель людей в Тбилиси, Баку и Вильнюсе, направил в Вестминстерский суд Лондона заявление.

В нём Ландсбергис сообщил, что в январскую ночь 1991 года, не сумев дозвониться Горбачёву, он позвонил тогдашнему президенту России Борису Ельцину. Тому удалось связаться с Горбачёвым, который, по словам Ельцина, в ночь на 13 января 1991 года бодрствовал и весьма внимательно следил

за событиями в Вильнюсе. Эту информацию Ельцин передал Ландсбергису непосредственно после январских событий, а потом повторил её во время личной встречи с Ландсбергисом в Риге в 2006 году.

Добавлю своё свидетельство и я. 10 января 1991 года по ВЧ мне в Вильнюс позвонил секретарь ЦК КПСС Олег Семёнович Шенин и сказал, что сейчас со мной будут разговаривать. С удивлением (почему надо было звонить через Шенина) я услышал в трубке голос Горбачёва, который поинтересовался, пойду ли я на заседание Верховного Совета Литвы (я был единственным депутатом, избранным от Компартии Литвы на платформе КПСС). Я ответил утвердительно. Тогда Михаил Сергеевич сказал, что я должен передать ВС Литвы требование руководства СССР о немедленном возвращении в Литве действия Конституции СССР и добавил, что **в противном случае** “мы пойдём в отношении Литвы на самые жёсткие меры”.

Я подумал, что Горбачёв имеет в виду или арест сепаратистов, или переход в экономических отношениях с Литвой на мировые цены, так как бряцание оружием, как это было в Тбилиси и Баку, дало обратный эффект. Но всё оказалось гораздо хуже...

О том, что Горбачёву было известно о предстоящей силовой акции в Вильнюсе, заявила в мае 2011 года бывший премьер-министр Литвы Казимира Прунскене. Она в телепередаче в рамках проекта “НТВшники” рассказала о последних минутах своего разговора, состоявшегося с Горбачёвым в Кремле 8 января 1991 года. Уходя, Прунскене спросила президента СССР, будет ли в отношении Литвы применено насилие? Горбачёв предложил ей обратиться за ответом к министру обороны СССР Д. Язову.

Не секрет, что, когда лукавый руководитель планирует переложить ответственность за возможный или запланированный провал своей акции, он изначально подставляет подчинённого, который затем должен стать “козлом отпущения”. Этот подход известен со времён Римской империи.

Вышеизложенное неопровержимо свидетельствует, что трагическое развитие событий, имевших место в СССР в период “перестройки”, во многом **было обусловлено позицией и действиями президента СССР и Генерального секретаря ЦК КПСС Горбачёва и его окружения**. Именно это обусловило распад Союза ССР. Об этом поговорим в следующей части.

(Окончание следует)